

Содержание

«Входите тесными вратами...»	6
Глава 1. Начало.	18
На высоком берегу реки Сатыбалты	
«Социальное происхождение: из семьи казака»	
«Эта несчастная штунда»	
Поворот	
Рождение легенды	
Мир русского сектантства	
«Когда же будут вас гнать в одном городе, бегите в другой»	
Глава 2. За океаном	54
Сан-Франциско, Сиэтл, Нью-Йорк	
Крещение Духом Святым	
«Нам было сказано: «В Одессу»	
Глава 3. Девять лет в Одессе	70
Год в пути на родину	
Одесса, голод	
Проповедь	
На языках	
«Влить в небесную литургию молитвенный порыв»	
Восстанавливая утраченное время	
Москва сектантская	
Журнал «Евангелист»	
Американская помощь	
Город Солнца	
В конце начала	
Глава 4. «Москва загорелась»	116
Много общего	
Учитель и ученик	
Братец Иоанн	
Колосковские подопечные	
Охранная грамота	
История одной дискуссии	
Конец общины	
Судьба учителя	
Глава 5. «Упекли пророка в республику Коми»	150
«Всё будет хорошо...»	
Слушали – постановили	
В гостях у генерала Мороза	

Переписка с детьми	
Торгсин	
Другие «возвращенцы»	
Досрочно	
Глава 6. «Папа уехал на автомобиле»	188
Граница на замке	
Арест	
Одно молитвенное собрание	
Поездка в Одессу	
«Нелегалы»	
Свидетель – невеста	
Беглый Фролов	
Новый поворот следствия	
В Бутырке	
О пророчествах	
Братья и сестры	
Глава 7. Дело номер 1968	228
Суть дела	
«Главный контрреволюционер Воронаев»	
Белогвардеец и «фашисты»	
Протасов из Касимова	
«Агитаторы»	
Признание вины	
«Антисемиты»	
Пацифисты	
«Тюремщик»	
Следствие закончено. Забудьте	
«Машина ОСО – две ручки, одно колесо»	
Реабилитация	
Глава 8. «Как узник, из тюрьмы замысливший побег»	278
Версии	
В местах не столь удаленных	
«Громкий разговор в камере»	
Сказка о тройке	
Расстрелять!	
«Я заплакала – да и пошла»	
В поисках справедливости	
Слово пастора	321
С. Ряховский	
К. Бендас	
В. Сильчук	
А. Раткин	
Е. Кондрашина	

... «Я вижу некий свет»,— сказал я наконец.
«Иди ж,— он продолжал,— держись сего ты света;
Пусть будет он тебе единственная мета,
Пока ты тесных врат спасенья не достиг,
Ступай!» — и я бежать пустился в тот же миг.

Александр Пушкин
«Странник»

«Входите тесными вратами...»

(Предуведомление)

О том, как и почему возникла эта книга

Мне позвонил пятидесятнический епископ Константин Владимирович Бендас и предложил встретиться.

— Вы не догадываетесь, зачем мы здесь? — спросил он, когда мы уселись за переговорным столом.

— Затем, вероятно, — предположил я, — чтобы обсудить какую-нибудь новую затею наших законодателей. Зря, что ли, те с завидной регулярностью меняют законы о религиозных общинах?

Догадка оказалась неверной. Меня позвали на встречу вовсе не как практикующего юриста, а как потенциального автора будущей книги о жизни Ивана Ефимовича Воронаева — основателя пятидесятнического движения в России.

Мой собеседник начал с того, что ему больше известно о пророке Данииле, жившем в древнем Вавилоне двадцать пять веков назад, чем об Иване Воронаеве и его соратниках. Ну ему-то, положим, кое-что известно, а вот его единоверцы, большинство из которых — «новые верующие», то есть выходцы из обычных советских семей, вовсе не знают, кто этот человек.

И вообще история пятидесятнической церкви мало кому известна.

— Мы ведь родом совсем не из девяностых, как некоторые ошибочно думают, — сказал Бендас, — а из куда более ранних времен. Между тем своей истории у нас нет. А в официальной истории нет нас, христиан евангельской веры — пятидесятников. В той самой, которую время от времени переписывают ура-патриоты. ...С этим именем сам я впервые столкнулся лишь лет десять назад, когда собирал по архивам материалы для книги «Американская мечта русского сектанта». Название, что и говорить, шокирующее, я даже вынужден был просить у представителей протестантских деноминаций прощения за употребление слова «сектант». Вообще-то слово как слово, но его так затаскали, к нему налипло столько клеветы, что приличные люди стараются его не произносить, разве что в историческом контексте.

Та моя книга была о том, как больше века назад задул из Америки ветер и занес в Европу семена неведомых религиозных движений. Попали они и в российскую почву, в душах разных людей взошли всходы, и закружил их вихрь, разметав по обе стороны океана. Российский климат оказался подходящим для прорастания таких семян. Вначале под влиянием баптизма и адвентизма возникло русское евангельское христианство, за ним пришло пятидесятничество с «духовным крещением» и «говорением на иных языках» (глоссолалиями). Так чужеземные религии сошлись с русским страстным стремлением уйти от формальной религии к «чистой» духовности.

Со времен Реформации протестантизм не останавливался в своем развитии. Различное понимание Писания

породило десятки и сотни доктрин, миссий и движений. У протестантов нет канонических и неканонических церквей, нет и никогда не было единого центра. Что касается пятидесятников, то они придают особое значение крещению Святым Духом, понимая его как великое духовное переживание. Более того, считают его тождественным пережитому апостолами на пятидесятый день после воскресения Христа, отсюда и название «пятидесятники».

Первое свидетельство о русских пятидесятниках относится к 1891 году. По сообщению Демоса Шакаряна, в том году к армянам-пресвитерианам в деревню Кара-Кала у подножия Арарата пришли бородатые русские христиане, судя по описанию, молокане-прыгуны и крестили некоторых из сельчан Святым Духом.

На рубеже веков — девятнадцатого и двадцатого — заматались люди между Россией и Америкой, еще перед революцией побежали сектанты. Туда. А в двадцатые годы иные из них вернулись. Оттуда. Одним из них был беглый оренбургский казак Никита Черкасов. В 1912 году он по паспорту на имя Ивана Воронаева уехал из царской России, уехал баптистом, а в 1921 году вернулся в Россию советскую, уже пятидесятником. Под этим именем он и остался в истории. Благодаря Воронаеву к концу двадцатых годов пятидесятнические общины появились почти во всех областях Украины, в центральных районах России, на Урале, Кавказе и в Сибири. Всего 350 общин, в которые входило около 17 тысяч верующих. В 1926 году по его инициативе был образован первый на территории России Союз пятидесятников.

Правда, история пятидесятничества в России, едва начавшись, чуть сразу и не завершилась. В 1930 году

Воронаева арестовали, а следом — пошли в узы его соратники и воспитанники. Но, как это ни невероятно, все попытки Советского государства искоренить их веру ничего не дали. На протяжении всего советского периода пятидесятники, как могли, противостояли безбожной власти. На излете советской власти они бросили ей последний вызов, посягнув на святое — «железный занавес» (я имею в виду мощные выступления за эмиграцию в семидесятые-восемидесятые годы). Как только «железный занавес» приоткрылся, Советский Союз покинуло около миллиона верующих — в большинстве своем люди трудолюбивые, непьющие и некурящие, стремящиеся, согласно «учению о благочестии», к праведной жизни. Только к нашим дням число пятидесятников в России приблизилось к этой цифре, всего же в мире их насчитывается до полумиллиарда.

Выйдя из подполья, русское пятидесятничество разделилось на три ветви. «Все три ветви, — как пишет видный деятель евангельского движения епископ Иван Федотов в книге «Встать! Суд идет!», — происходили от одного корня, берущего начало от воронаевского Союза христиан веры евангельской. Соединить разделённые церкви было непросто, потому что братья перестали понимать друг друга». Со временем, в том числе благодаря его усилиям, понимание в определенной мере вернулось.

Сам Федотов, по его признанию, всегда старался следовать примеру Воронаева, великого проповедника и евангелиста. За свои религиозные убеждения ему пришлось провести в заключении 18 (!) лет. Вместе с ним по одному из сфальсифицированных против него дел был осужден и епископ Василий Ряховский.

Имя Воронаева не раз слышал от родителей его сын Сергей Ряховский, ныне — начальствующий епископ Российского объединенного Союза христиан веры евангельской (пятидесятников). Он был подростком, когда к ним в дом заходили бывшие узники, и в том числе Афанасий Бидаш — легендарная личность, человек, рукоположенный самим Воронаевым, от которого, по его словам, просто веяло эпохой духовного пробуждения, пришедшейся на 20-е годы. Годы спустя Сергей Ряховский, в свою очередь, был рукоположен другим выдающимся пятидесятническим епископом — Виктором Бельх, а его рукоположил Афанасий Бидаш — такая вот преемственность.

«Мы — воронаевцы, — говорит Сергей Ряховский, — дети того времени, когда за короткий период Иван Воронаев создал мощнейшее братство на юге тогдашнего Советского Союза, насадил около шестисот церквей. Мы до конца не представляем, как мог один человек так вдохновить братьев и сестер к тому, чтобы стать проповедниками евангельской вести».

Надо отдать должное и самому Сергею Васильевичу, сумевшему на рубеже веков вывести из тени и зарегистрировать немало общин своих единоверцев. Кабы не его усилия, процесс признания государством евангельских христиан (пятидесятников) мог бы пойти совсем иначе. Да без него, скорее всего, не было бы и этой книги, ведь лежащее в ее основе исследование проводилось историко-архивным отделом возглавляемого им Союза во исполнение президентского гранта по теме «Духовное наследие подвижников земли русской».

Вам, из другого поколения

За годы религиозной свободы (относительной, конечно, но это другой вопрос) у нас выросло «непоротое поколение» верующих. В стране больше десяти тысяч протестантских приходов, посещаемых верующими, обычно называющими себя евангельскими христианами либо просто христианами. По разным подсчетам, их в России насчитывается от одного до трех миллионов.

Эти, из другого поколения, мало что знают о человеке, по чьему «Краткому вероучению христиан евангельской веры» по сей день приобщаются к вере. Им неведомо, что у российских пятидесятников были свои учителя, свои пророки и свои мученики. «У нашего народа тоже были свои Ромео и Джульетты,— сказал когда-то великий поэт Дагестана Расул Гамзатов,— но не было своего Шекспира, который бы о них написал».

Пятидесятнических исторических хроник, как и этой книги, никогда бы не сложилось без Елены Кондрашиной. Она родом из Черногорска в Хакасии, того самого, откуда в Москву в 1978 году приехали семьи Ващенко и Чмыхаловых и сумели прорваться в американское посольство, добиваясь выезда из «сатанинского государства». Того, где дружинники блокировали выходы в черногорском доме собраний, а однажды подогнали к нему пожарную машину и из брандсбойтов стали заливать в окна воду. Пятилетнее сидение в американском посольстве «сибирской семерки» стало крупным международным скандалом того времени.

После Сибири Елена жила в Калуге, в городе, где Иван Ефимович Воронаев провел последние в его

жизни месяцы свободы. В 2000 году его последователи — калужские пятидесятники купили здание на окраинной улице, вскоре названной по их предложению Небесной, благоустроили окружающий строение пустырь и поставили посередине деревянный крест в память о подвижнике. Но знали они о нем немного. Имелись, правда, две-три книги, изданные за рубежом. Но мало что было известно о последнем периоде жизни Воронаева, ни одного официального документа на этот счет никто не видел. А уж об обстоятельствах гибели — и вовсе ничего.

Елена работала в калужской церкви, с ее рабочего места крест через окно был хорошо виден. Тогда-то и зародилась у нее мысль заняться поиском документов о судьбе Воронаева. Переехав в Москву и возглавив историко-архивный отдел пятидесятнического Союза, сразу бросилась в архивы, едва ли в них не поселилась. И, представьте, все разузнала. И, главное, обнаружила документы.

Возьмемся, однако, к нашей беседе с Бендасом. Помню, выслушал его и подумал: ну хорошо, а я-то тут при чем? К «сектантской» теме возвращаться я не собирался, пусть уж как-нибудь сами — такой была моя первая реакция. Тогда-то он и рассказал об отысканном Еленой Кондрашиной архивном уголовном деле 1936 года, по которому Воронаев «проходил» как один из руководителей «контрреволюционной нелегальной секты трезвенников». Почему так? Ответ на этот вопрос можно было найти только на страницах многотомного уголовного дела. Почему многотомного? Да потому что одних обвиняемых там — аж 90 человек. Слово за слово, тут-то меня и зацепило. Для юриста — привычное дело перелистывать тома

судебных дел, опыт какой-никакой имеется. Короче, я согласился.

«Вещь начинается с уверенности в том, что она не будет написана», — сказал лет сто назад русский писатель Виктор Шкловский. И был недалек от истины.

Странник

*... Кто поносил меня, кто на смех подымал,
Кто силой воротить соседям предлагал;
Иные уж за мной гнались; но я тем боле
Спешил перебежать городовое поле,
Дабы скорей узреть — оставя те места,
Спасенья верный путь и тесные врата.*

Вновь я процитировал пушкинского «Странника», строки из которого вынесены в эпиграф к этой книге. Александр Сергеевич обозначил стихотворение в своих записях так — «Из Вунуан». Из Баньяна. Из какого такого Баньяна?

Был такой английский писатель XVII века. Звали его Джон Баньян (1628–1688). Его самая известная книга — «Путешествие Пилигрима в Небесную страну». До революции 1917 года в нашей стране она издавалась большими тиражами, было сделано несколько переводов книги. Один из них (между прочим, им интересовался Лев Толстой) назывался «Путем паломника». Произведение это прозаическое. «Странник» является вольным переложением его первой главы.

Пушкин в своем заглавии более точен, нежели авторы перевода названия книги Баньяна. Переводя «pilgrim» не как пилигрим, а как «странник», Пушкин сохранил смысл произведения, повествующего вовсе не о пилигримах и не о паломничестве. В нем речь о всей

человеческой жизни как путешествии к душевному спасению. «Ибо странник я у Тебя и пришлец, как и все отцы мои» (Пс.38: 13).

«Спасенья верный путь и тесные врата» — о каких вратах речь? О тех самых, из Нагорной проповеди. «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их». В этих словах, возможно, суть всего евангельского учения.

Иисус не раз возвращался к этому образу. «И проходил по городам и селениям, уча и направляя путь к Иерусалиму. Некто сказал Ему: Господи! неужели мало спасающихся? Он же сказал им: подвизайтесь войти сквозь тесные врата, ибо, сказываю вам, многие поищут войти, и не возмогут. Когда хозяин дома встанет и затворит двери, тогда вы, стоя вне, станете стучать в двери и говорить: Господи! Господи! отвори нам; но Он скажет вам в ответ: не знаю вас, откуда вы. Тогда станете говорить: мы ели и пили пред Тобою, и на улицах наших учил Ты. Но Он скажет: говорю вам: не знаю вас, откуда вы; отойдите от Меня все делатели неправды».

Делатели неправды... Есть такие. А есть другие, которые к неправде особенно нетерпимы. Они не желают входить куда-либо широкими вратами. Среди этих последних нередки протестанты. Сектанты по-нашему. Они принимают призыв входить тесными вратами близко к сердцу. И всё то, о чем там, в Евангелии дальше.

«Там будет плач и скрежет зубов, когда увидите Авраама, Исаака и Иакова и всех пророков в Царствии Божием, а себя изгоняемыми вон. И придут от востока и запада, и севера и юга, и возлягут в Царствии Божием.

И вот, есть последние, которые будут первыми, и есть первые, которые будут последними».

Так вот, представьте себе, Пушкин перевел на русский язык произведение сектанта. Да, сектанта, а кем еще являлся английский проповедник — баптист Баньян в глазах господствующей англиканской церкви?

«Социологи прошлого подметили, что секта появляется в любое время и в любом месте, как только господствующая в обществе церковь принимает мирской порядок... — полагал видный немецкий теолог Эрнст Трельч. — Тогда в ней появляются люди, обеспокоенные личными духовными поисками, — они откальваются и устраивают свою жизнь на иных принципах».

В 1658 году Джона Баньяна заключили в тюрьму в первый раз, в 1660 — во второй, в 1666 году, не успел он выйти на свободу — в третий. Всего он провел в заключении 12 лет — только лишь за упорное нежелание посещать обязательные службы в англиканских церквях и за проповедование на незаконных собраниях, то есть, выражаясь языком нынешнего законодательства, за «незаконную миссионерскую деятельность». По счастью, остаток жизни он провел на свободе, сумел создать из своих выживших прихожан диссидентскую общину и основать более тридцати новых религиозных общин. Счастливый конец, пожалуй, единственное принципиальное отличие жизни Джона Баньяна от пути жившего три с лишним века спустя другого странника — Ивана Воронаева.

Дело

Так у меня в руках оказались 14 томов процессуальных документов из трех уголовных дел. Правда, от перво-

го дела Воронаева, дела 1930 года, остались какие-то крохи. От последнего — третьего по счету, 1937 года — осталось побольше, но оно вообще не очень похоже на уголовное дело, в нем всего-то 14 листов. Зато главное — следственное дело 1936 года, за номером 1968, сохранилось в архиве (ГАРФ РФ) практически целиком, причем в открытом доступе. На обложках томов и на многих страницах стоит гриф «совершенно секретно», и по нему проставлен новый штамп — «рассекречено». В тех же томах — материалы реабилитации, датированные 1961 годом. На материалах этого дела, главным образом, и будет основана эта книга.

Уголовное дело — никак не роман. Там пока что-то интересное откопаешь, глаза сломаешь. Сидишь, вглядываешься в один непонятный почерк, потом — в другой, продираясь через повторения одного и того же в бесконечных протоколах допросов. Но все же какие-то из черт характера обвиняемого Воронаева постепенно вырисовываются, и приоткрывается главная из них — его человеческая стойкость.

К тому же известные фамилии в документах попадают. Вижу, утвердил обвинительное заключение Станислав Реденс. Между прочим, свояк Сталина, женатый на сестре Надежды Аллилуевой. В то время он, комиссар государственной безопасности I ранга (звание, приравненное к генералу армии), занимал должность начальника Управления НКВД по Московской области.

Перелистываю материалы дальше, том за томом, страницу за страницей, чувствую: чего-то не хватает. Не сразу понимаю — отсутствует судебный приговор. Меры наказания каждому есть, а приговора нет. Оказалось, никакого суда не было, обошлись без суда, в те времена суд был не нужен, следственные органы никогда

не ошибались. Вместо приговора — решение Особого совещания при НКВД СССР. Наркомом в то время был Николай Иванович Ежов, генеральный комиссар госбезопасности (звание, соответствующее воинскому званию Маршал Советского Союза). В заседаниях для формы должен был участвовать прокурор СССР (им был тоже не абы кто, а Андрей Януарьевич Вышинский). Вот какие высокие лица тут завязаны.

Так появилась идея поставить частную историю Ивана Воронаева в исторический контекст. Настолько, насколько это вообще возможно сделать сквозь призму уголовного дела. Зато читатель окажется сопричастным как главным событиям его жизни, так и социально-историческим катастрофам, которые сопровождали Воронаева на всем пути. Правда, всей его жизни было не так уж и много — 52 года и 7 месяцев. За вычетом царской армии да советских лагерей и тюрем — и того меньше.
